

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Мордас Е.С. Насилие в семье и материнская перверсия // Психолог. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.4.69150 EDN: YAOEKG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69150

Насилие в семье и материнская перверсия

Мордас Екатерина Сергеевна

кандидат психологических наук

доцент, Московский институт психоанализа

121170, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, 34, стр. 14

✉ morkaty@yandex.ru

[Статья из рубрики "Сознательное и бессознательное"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2024.4.69150

EDN:

YAOEKG

Дата направления статьи в редакцию:

28-11-2023

Аннотация: Цель исследования – интегрировать социологический и психоаналитический подходы в области социальных отношений, на примере насилия в семье. Предмет исследования – насилие в семье. Методология исследования: идеи Р. Коллинза, А. Моц и Э. Уэллдон, М. Хирш, Дэвид Э. Шарфф, Р. Столлер. Интеграция подходов позволяет размышлять о «ситуации насилия в семье» через отражение внутренних психических процессов человека, обусловленных историей развития человека, социальными, культурными и экономическими факторами. Насилие слабых – один из видов насилия (Р. Коллинз). Аффективное поле, доминирование, контроль и подчинение – признаки насильственного взаимодействия. Семья – пространство, где разворачивается ситуация насилия. Мать-фигура, обладающая властью, в материнской роли может реализовывать свои деструктивные желания и разрешать конфликты (Э. Уэллдон, А. Моц). Другие варианты насилия в семье – насилие при заботе о больных, пожилых людях и в отношениях между супругами (зачастую насилие над женщинами, покорность женщины). Новизна исследования: сформулированы положения о модели насилия при материнской перверсии. Выводы: 1. Насилие в семье – один из видов насилия: насилие слабых. Насилие разворачивается в ситуации, склонной к насилию, при определенном взаимодействии жертвы и агрессора. 2. Характеристики ситуации насилия по

Р.Коллинзу: аффективное поле, доминирование и навязывание воли, подчинение, конфронтация, напряжение, страх, паника, контроль. 3. Насилие есть форма выражения материнской перверсии: деструктивные желания матери, ненависть (Э.Уэллдон, А. Моц, Р.Столлер), зависимость, беспомощность, садомазохизм (С. Коэн), инцест (Э.Д. Шарфф), симбиоз (Ж. Бержере, М.Малер, J.F. Masterson, D.B. Rinsley). 4. Насилие – отражение истории жизни человека; возможно в ситуации патологической зависимости одного субъекта от другого. Здоровая форма зависимости предполагает способность быть в близких отношениях со значимым Другим – то, что становится трудностью для современного человека.

Ключевые слова:

насилие, семья, перверсия, ситуация, аффективное поле, напряжение, контроль, доминирование, страх, подчинение

Введение

В научной среде есть различное понимание природы насилия, насильственного поведения человека. Интересным является то, что опыт (практика) насилия имеет место быть на протяжении всей истории развития человечества в целом – от древних времен по настоящее время мы можем наблюдать этот деструктивный опыт и переживания в мире людей.

Семья и близкие люди – первая социальная система, куда попадает ребенок после рождения. Ранний опыт отношения со значимым Другим зачастую воспроизводится во взрослой жизни: формируется идентичность, определенные паттерны взаимодействия с другим, аффекты, встречаются партнеры, созвучные друг другу, отыгрывают внутренние конфликты. Для некоторых насилие – обычный способ взаимодействия с другим или даже единственный. Форм насилия множество: от реального (атака, жестокое обращение, полное уничтожение и пр.) до символического (игнорирование, отвержение, обесценивание и пр.).

В нашей статье используем социологический подход (идеи Р. Коллинза) и психоаналитический подход (идеи А. Моц и Э. Уэллдон) к проблематике насилия. Основное внимание уделим нарушенным отношениям мать-дитя, используя современный взгляд в психоанализе на феномен перверсии в детско-родительских отношениях.

Р. Коллинз в основу природы насилия закладывает ситуацию. Ситуация насилия – это серия условий, приводящих к насилию: поиск слабой жертвы, доминирование, конфронтация, напряжение, страх, паника.

Авторы- психоаналитики (А. Моц, Э. Уэллдон и др.) под насилием понимают потерю контроля над агрессивными импульсами, ведущую к действию; причинение физического вреда; насилие направлено против людей. Корни насилия связаны с неспособностью осмысливать собственное развитие, душевное состояние другого человека. Глубинная природа насилия связывается с враждебностью матери по отношению к младенцу, из-за чего ребенку трудно понять намерения и чувства матери [\[1, с. 24\]](#).

Насилие в семье, согласно Р. Коллинзу – это вариант насилия слабых и беспомощных, а именно: детей, престарелых и инвалидов, доминирующего супруга над супругой (или наоборот). Р. Коллинз отмечает, что напряжение и страх – доминирующие эмоции в

ситуации насилия. Наиболее распространенная форма насилия – нападение на слабую жертву. Человек становится уязвим и слаб не потому что он не может дать отпор агрессору или испытывает страх быть убитым или обижен. Это связано, согласно Р. Коллинзу, с напряжением и чувством страха в процессе микро-взаимодействия. «Страх» при встрече – это напряжение, связанное с нарушением фундаментального ритуала солидарности, склонности к взаимному увлечению, согласно Р. Коллинзу. Каждая сторона конфликта пытается установить свой ритм в микровзаимодействии, навязать этот ритм сопернику и занять таким образом доминирующую позицию, определяя аффективное эмоциональное поле, где разворачивается ситуация насилия [2].

Цель исследования: интеграция социологического и психоаналитического подходов для понимания природы и проявления насилия в семье как формы насилия слабых и беспомощных.

Задачи исследования: 1. Рассмотреть идеи Р. Коллинза касательно проблематики домашнего насилия (механизмы развития насилия в паре, родителей и детей, в отношении пожилых и больных людей). 2. Исследовать природу материнской перверсии = насилия и ненависть в психоаналитическом подходе. 3. Разработать положения модели феномена материнской перверсии в ситуации домашнего насилия.

Взгляд Р. Коллинза на ситуацию насилия в семье

Жертву делает слабой «ситуативность», позиция во взаимодействии: жертва не может себя защитить потому что позволяет агрессору проявить инициативу, занять доминирующую позицию, контролировать процесс и направление взаимного увлечения. Успешная агрессия – когда и тот и другой «договорились» о происходящем: агрессор и жертва попадают в ловушку, где один берет на себя ведущую роль, а другой реагирует на нее.

Домашнее насилие зачастую описывает как попытка контроля (взрослых над детьми, супруга над супругой или наоборот и т.п.). Насильник (агрессор) доминирует в семье, захватывает контроль над эмоциональным определением ситуации. Бедность и социальная дискриминация не являются первопричиной насилия между людьми (Р. Коллинз). Автор так же отметит, что недостаточно определена связь между опытом насилия в детстве и проявлением насилия во взрослом возрасте, то есть большинство жертв жестокого обращения не совершают насилие. В свою очередь, М. Хирш отметит: «...агрессия, содержащаяся в семье, направляется на слабейших ее членов, то есть детей, и, дабы сохранить семью как целое, детей приносят в жертву во имя высшей цели. В силе остается незамысловатое эмпирическое правило: тот, кто агрессивнее всего атакует других, превращая их в жертв, сам когда-то был жертвой насилия, недолжного обращения или нестабильных условий» [3]. В связи с чем вопрос остается открытым для исследования. Но А. Моц продолжит, что материнство – куда более короткий путь к власти для психопатических женщин, чем секс и деньги и в основе перверсий женщин лежит перверсия материнства.

Жестокое обращение в семье имеет такую же природу и «путь» как и любое другое насилие. При домашнем насилии существуют самые разные взаимосвязи. Один супруг может напасть на другого; взрослые могут избивать детей, но также и наоборот; вовлеченными взрослыми могут быть родители, а также опекуны, случайные друзья одного из родителей или няни. Существует жестокое обращение взрослых детей к престарелым родителям и жестокое обращение со стороны работников по уходу за пожилыми людьми. И, наконец, наиболее распространенная форма семейного насилия

возникает между братьями и сестрами.

Обычными причинами бытового насилия являются бедность, стресс, перемены в жизни и социальная изоляция, но большинство людей в таких ситуациях не склонны к насилию; для создания реальных случаев насилия требуется дальнейший ситуационный процесс.

Забота о больном и насилие. Часто объектом насилия выступают больные люди, инвалиды. Член семьи, осуществляющий заботу о таком человеке из-за солидарности, любви к нуждающемуся день за днем растрчивает свои силы, время, переживает эмоциональный кризис, упадок сил, постепенно эмоционально выгорает и уход за беспомощным становится рутиной – с одной стороны. С другой стороны, как отмечает Р. Коллинз, человек, осуществляющий уход, получает меньше эмоциональной энергии от выполнения альтруистической роли, возникает обостренное чувство борьбы за власть. Сам факт того, что лицо, осуществляющее уход, стремится быть альтруистом, дает нуждающемуся преимущество над ним. Как и в любовных отношениях, действует принцип наименьшего интереса: человек, который любит больше, находится в менее выгодном положении по сравнению с тем, кто любит меньше. Таким образом, хотя физически здоровый взрослый человек, осуществляющий уход, обладает всей полнотой власти, беспомощный ребенок или пожилой человек обладает эмоциональным оружием и использует его в своих интересах, независимо от того, исходит ли эта приверженность из религиозных или альтруистических убеждений, чувства долга или личных любовных уз. Возникает конфликтная ситуация, основанная на неравенстве ресурсов. Накапливается гнев с одной и другой стороны. Варианты разрешения ситуации различные, представлены в работе Р. Коллинза. В основу такого рода насилия закладываются переживания стресса человека, осуществляющего уход; это состояние усиливается, если человек один занимается уходом (как правило, данная роль отводится женщине). Р. Коллинз отметит, что степень зависимости старшего поколения увеличивает вероятность жестокого обращения к ним.

Насилие в паре. Насилие в паре может быть представлено, когда роль жертвы отводится женщине, а роль агрессора – мужчине. Насилие может быть в легкой форме (скандалы, упреки, контроль и т.п.) – но пара не позволяет выйти на ситуацию взаимодействия – разрушения друг друга.

Или форма насилия, когда в паре создаются такие отношения, что один человек преследует другого вплоть до полного уничтожения (убийство). В семейном насилии период сильной конфронтационной напряженности перерастает в тотальное доминирование. Насильник буквально преследует жертву, пока не уничтожит ее.

В ситуации насилия пары женщина играет роль жертвы, и это часть обратной связи при микровзаимодействии, которая удерживает доминатора (агрессора) в плену его агрессии. Вовлечение жертвы в конфликт с агрессором – это центральный микропроцесс, который придает эпизодам насилия ситуативный импульс.

В паре, если мужчина занимает более высокую социальную позицию по сравнению с женщиной, – женщина, обладая более низким социальным статусом, может компенсировать это *подчинением*. Его первоначальная критика в ее адрес свидетельствует о признании того, что она не соответствует его статусу и что он хочет быть с ней. Его критика – это путь к утверждению ее ситуативной пассивной, слабой позиции. По сути, пара пробует, как их переговорные ресурсы будут превращены в постоянные роли: он изучает методы создания своего эмоционального импульса в качестве доминанта, она учится быть жертвой. Люди учатся играть эти роли и играют

друг с другом.

При домашнем насилии часто наблюдается паттерн пассивного, беспомощного поведения жертвы, чья показная беспомощность или безрезультатное сопротивление, по-видимому, провоцирует агрессора на еще большие приступы агрессии (случаи преследования жертв и их убийство).

Жертва вызывает у агрессора отвращение и все большую злость; это самовосстанавливающийся цикл, поскольку агрессор чувствует себя втянутым в продолжение атаки только из-за своего гнева на пресмыкательство другого. Эффект заключается в том, что нападающий и жертва связаны друг с другом в момент насилия - два организма посылают телесные и эмоциональные сигналы, которые передаются друг другу и еще больше усиливают то, что они делают: один больше пресмыкается, другой больше злится и нападает.

Р. Коллинз заключает, что это негласный процесс ведения переговоров, процесс прощупывания друг друга, выявления своих сильных и слабых сторон; он предполагает использование своих ресурсов (принудительной силы, материальных ресурсов, эмоциональных ритуалов, возможностей взаимодействия на рынке) в той мере, в какой они могут быть использованы в текущей ситуации. Здесь важны не только сырьевые ресурсы; их нужно привести в действие таким образом, чтобы они помогали контролировать партнера.

Чтобы произошел акт оскорбительного насилия, две (или более) цепочки должны совпадать: агрессор должен был научиться техникам, которые сработают на конкретном человеке; некоторые из них предполагают высокую степень вовлечения себя в конфронтацию и насилие; другие - это навыки того, как направить свою собственную энергию на тренировку реакции другого человека на свое собственное насилие.

С другой стороны, жертва, должно быть, научилась приемам того, как взаимодействовать с агрессором, поддерживая отношения и тонко поощряя в его методах агрессии. В конце концов, у этого пути есть два ответвления: первое - это то, где жертва научилась некоторым приемам конфронтации, но не те приемы, которые приводят к ограничению драк на уровне обычных эпизодов с балансом сил; это путь, который ведет к усилению напряженности, а затем к паническим взрывам. Другой путь ведет к медленному, коварному умиротворению и режиму террористических пыток; здесь жертва научилась получать очень небольшие ритуальные вознаграждения ценой пассивного вживания в роль подвергаемого пыткам.

Могут быть и другие пути. Но все они предполагают совпадение двух направлений обучения: овладение навыками жестокого обращения со стороны агрессора, и усвоение роли жертвы или, по крайней мере, неспособность овладеть навыками ограничения насилия со стороны жертвы. Эти две роли проявятся очень четко в случае издевательств.

Насилие детей. Жестокое обращение с детьми – это зачастую осознаваемое причинение ребенку физических и психических страданий. Включает в себя такие проявления как отвержение, пренебрежение, обесценивание, игнорирование, физическое наказание, издевательство, сексуальное злоупотребление и пр. Ребенок, имеющий опыт жестокого обращения переживает психическую депривацию.

В детско-родительских отношениях зачастую разыгрывается драма (детская травма) взрослого. Личностная незрелость, невозможность контейнировать, справляться с

агрессивными влечениями со стороны взрослого, приводит к тому, что такой человек может просто психологически быть неспособным выдерживать ребенка, его чувства. И тогда вместо установленного аффективного контакта взрослый-ребенок на первый план выходит контроль взрослого, подчинение ребенка и борьба (насилие, агрессия между ними). То есть сознательно взрослый не планирует причинить вред ребенку (он может просто купать или просто кормить, или просто сесть рядом помогать делать уроки, например), но если ребенок оказывает сопротивление, взрослый начинает прилагать больше усилий для контроля и удержания своих требований (власти). Зачастую взрослый выигрывает «битву», принуждая ребенка делать то, что по мнению взрослого необходимо. В тот же момент, взрослый поддается настроению ребенка (жертвы) = проективная идентификация, состоящему из криков, сопротивления, гнева и напряженных мышц. Обе стороны конфликта выходят из-под контроля; поскольку одна из них намного слабее другой, напряжение борьбы превращается в горячий порыв и жестокое поведение, вызывающее панику.

Жестокое обращение с плачущим младенцем имеет аналогичную динамику, как в случае с пожилыми людьми и их опекунами. Ребенок плачет, родители не справляются с ситуацией, ситуация выходит из-под контроля, разочарование + депривация сна матери, усталость, мать одинока в заботе о ребенке = мать срывается на ребенке, бьет, трясет его настолько сильно, что может ранить или убить.

Жестокое обращение не происходит при первом крике ребенка, это повторяющаяся ситуация, в предыдущем опыте родители потерпели неудачи успокоить ребенка и текущий эпизод воспринимается – «ну вот, опять он орет или ему что-то нужно...»

Плач ребенка – это невербальное сообщение о его эмоциональном состоянии; через плач ребенок может выражать агрессию, протест, боль, ужас, тоску, тревогу, страх и пр. Взрослый находясь в ситуации долгого плача может впасть в то состояние (бессознательное) о котором ему сообщает ребенок посредством своего плача (по Биону речь идет о бета-элементах). При неспособности пережить эти аффекты (то есть невозможность понять, переработать и вербализовать их) взрослый оказывается окутан ими и сам начинает вести себя как ребенок, попадая в такое аффективное поле, что провоцирует ситуацию насилия и агрессии – «да, когда же ты замолчишь...».

Женщины чаще, чем мужчины прибегают к насилию над маленькими детьми, поскольку большую часть времени проводят с детьми. Девочки меньше подвергаются телесным суровым наказаниям, чем мальчики. Мужчины не применяют телесные наказания (жестокое обращение) к девочкам в отличие от того, как относятся к мальчикам; в случае подростков отцы, как правило, не наказывают своих дочерей телесно (хотя матери иногда это делают). Телесное наказание или принудительный контроль над детьми - не есть мужская модель, но мужчины используют насилие для контроля над женщинами.

На уровне более серьезного насилия, как правило, мужчины физически злоупотребляют подростками, в то время как женщины чаще всего злоупотребляют маленькими детьми. Это согласуется с закономерностью, согласно которой более сильный нападает на более слабого; дети старшего возраста, особенно в подростковом возрасте, становятся слишком большими, чтобы женщины могли с ними жестоко обращаться. Жестокое насилие над детьми, убийство младенцев и т.п. - являются стереотипными правонарушителями в глазах общественности. Но на самом деле женщины убивают своих собственных детей чаще, чем кто-либо другой, как правило, чтобы избавиться от нежелательных родов (так же здесь можно упомянуть произвольные выкидыши,

аборты, замёрзшая беременность и психогенное женское бесплодие). Как отмечает Э. Уэллдон - для матерей-убийц дети являются не отдельными существами, а воспринимаются как нарциссическое расширение самих себя. Мать, убившая своего ребенка, особенно в период его раннего детства, символически убивает и себя [4].

Психологическая природа материнского насилия (перверсии)

Согласно психоаналитическому подходу, мы касаемся аспекта материнского первертного материнства (инфантицид и влечение к смерти, патологический нарциссизм).

Первертное материнство – это феномен ранних нарушенных объектных отношений в диаде «мать-дитя» на ранней фазе развития, характеризующиеся использованием ребенка матерью (разрушение его автономности или обесцениванием) с целью разрешения бессознательных конфликтов с собственной матерью, который может не включать элементы прямой девиантной сексуальности по отношению к ребенку и основанный на женских сексуальных перверсиях.

Женские сексуальные перверсии направлены на собственное тело (либо на детей, воспринимаемых как часть своего тела) или реализуются посредством собственного тела, формирующиеся посредством внутреннего пространства женщины (включающее в себя психосексуальное развитие, формирование ядерной гендерной идентичности, репродуктивные функции, фантазии беременности) и биологических часов (включающее в себя понятия о менархе и менопаузе), и прослеживающийся как минимум в трех поколениях.

Большинство женщин, воспроизводящие систему первертного материнства не являются явно психотическими и не страдают от полной дезинтеграции Эго. Их можно назвать пограничными личностями, которые страдают нарциссическими расстройством разной степени тяжести.

Некоторым женщинам материнство дает хорошую возможность для реализации первертных желаний по отношению к детям и отмщения своим собственным матерям. Как мужчины, так и женщины, описывая ранние отношения со своими матерями, говорят о чувствах поглощения и зависимости и переживают их заново в переносе с аналитиком. В терминах Ж. Бержера, такую мать можно назвать гиперопекающей [5]. Это мать, которая не позволяет ребенку достичь регистра желания, постоянно присутствуя и предвосхищая его малейшие желания, делая их таким образом не существующими. Согласно теории, М. Малер, это мать, которая не допускала ни его сепарации, ни индивидуации. В следствии такой гиперопеки со стороны матери у ребенка не формируется собственное Я, не устанавливаются границы между Я и другими, что приводит к формированию психотической или пограничной структур. О похожем процессе в исследовании роли матери в формировании пограничной личности пишут Дж. Мастерсон и Д. Ринсли [6]. Авторы подчеркивают влияние на ребенка чередования либидинальной материнской доступности и ее отсутствия на этапе сепарации-индивидуации. Ребенок, у которого в будущем сформируется пограничная структура личности, откликается на поощрения со стороны матери отрицанием сепарации. Это подкрепляет отыгрывание ребенком его фантазий воссоединения с материнским частичным объектом и способствует его зависимости и страху быть брошенным в случае, если он осмелится отделиться. Таким образом, последствиями гиперопеки становятся инфантильность и несамостоятельность ребенка, желание уйти от ответственности, зависимость от авторитетов.

На другом полюсе находится *отсутствующая мать*, которая не дает возможности ребенку

связать мучительное ожидание с репрезентациями желаемого объекта. Временные возможности ребёнка справляться с беспомощностью и напряжением, галлюцинируя удовлетворение, ограничены. Если мамы не будет слишком долго, то нарастающее возбуждение, боль и ярость делает его желание к ней (представление о ней) бесполезным и бессмысленным. А соматическое возбуждение, ярость, не связанные с образами и представлениями, накапливаясь в теле, становятся источниками психосоматических заболеваний у ребенка. Таким образом, в результате гипопеки (равнодушие или занятость родителей) у ребенка теряется чувство защищенности, возникает дефицит любви и постоянный поиск ее. В самом худшем случае, как утверждает Э. Уэллдон, женщина может с легкостью напасть на ребенка, вызывающего у нее разочарование и ограничивающего ее свободу, вследствие постоянного противостояния наказывающей ее матери и в результате, идентифицирующийся с агрессивной матерью.

Э.Уэллдон, упоминая П. Гринакр отметит, что автор работая с пациентами, имеющими сексуальные перверсии, выделяет нарушения в ходе их развития в первые два года и отмечает как они влияют на нормальное течение процесса сепарации-индивидуации. Нарушенные отношения: неадекватная забота и/или отвержение ребенка - почва для дальнейшего развития первертных наклонностей. Сама неспособность Быть с ребенком не определяет содержания перверсии. Долговременные переживания неопределенности относительно Я-Другой влияют на патологию ситуации в отношениях. Объектные отношения ухудшаются, удерживается первичная агрессия, повышается вторичная агрессия вследствие разочарования. В ответ на насилие со стороны матери актуализируется садизм.

Р. Столлер писал, что для первертной матери сам ребенок превращается в «переходный объект». С его точки зрения, «переходный объект» используется первертом для манипуляции, использования и злоупотребления, разрушения и отвержения. По мнению Р. Столлера, «враждебность в перверсии принимает форму фантазии о мести, скрытой в действиях, которые и образуют перверсию и служат для преобразования детской травмы в триумф взрослого» [\[7, с. 99\]](#). Э. Уэллдон, отмечает, как в своей клинической практике она заметила, что возможность полного контроля над ситуацией, которое дает материнство, создает для женщин, переживших травмирующие события, благоприятную почву для злоупотребления и насилия над своими детьми. Это порождает матерей, которые избивают своих детей, чьи дети становятся транссексуалами и сексуальными первертами.

Э. Уэллдон выдвигает гипотезу о том, что иногда женщина становится матерью по бессознательным первертным причинам. Став матерью, она автоматически становится главной, полностью контролирующей другого, который должен подчиниться не только эмоциональным, но и биологическим требованиям матери. Она полагает, что первертная мать ощущает своего ребенка как часть себя, с которой она никогда не расстанется, и не позволит ему развить свою собственную гендерную идентичность и индивидуации. Она получает удовольствие от того, что заставляет ребенка выполнять свои неуместные требования.

Сама перверсия передается от матери ее ребенку на доэдипальной стадии и формируется в процессе сепарации-индивидуации с желанием первертной матери к симбиотическому слиянию и лишению автономности ребенка. А материнство как перверсия проявляется в виде разрушенных внутренних психических структур, в результате чего мать чувствует себя не только неспособной справляться с огромными

психологическими и физическими требованиями ее ребенка, но также бессильной и беспомощной получить удовлетворение из других источников. В силу своих неразрешенных внутренних конфликтов, она считает свое первертное поведение единственной властью, которая доступна ей по праву распоряжаться эмоциональным и физическим состоянием ребенка. Основная цель первертного материнства и его последствие становится результатом эмоциональной нестабильности ребенка и недостаточной индивидуации. В подобных условиях у ребенка с большей вероятностью формируется пограничная или психотическая структура личности с соответствующими психопатологическими последствиями, включающее первертные сексуальные отклонения и сложности установления объектных отношений во взрослой жизни.

Другой группой первертного материнства и отношений насилия мать-дитя является инцест. Дэвид Э. Шарфф, исследуя сексуальные отношения с точки зрения объектных отношений и в частности истоки сексуальных отклонений, пишет о том, что: «реальный инцест представляет особый случай нарушения родительской функции безотносительно того, кто становится его участником: родные или сводные братья и сестры, взрослые родственники – дед, дядя или отец девочки. Фактический инцест между матерью и сыном – явление очень редкое» [\[8, с. 103\]](#).

Д. Э. Шарфф представляет идею о фактическом и символическом инцесте. Характеризует инцест разной степенью тяжести: от легкой формы между сиблингами до инцеста между родителем и ребенком, оказывающее наиболее серьезное последствие на последнего. К символическим инцестуозным событиям он относит, например, когда ребенок регулярно спит в родительской постели или с одним из родителей, без сексуального взаимодействия. Символический инцест, по его мнению, может создать проблемы в психосоциальном развитии ребенка, но они будут значительно менее тяжелыми, чем те последствия, который влечет за собой фактический инцест. На наш взгляд, символический инцест между матерью и ребенком (причем ребенок может быть любого пола) наиболее распространен, но матери и общество отказываются принимать и называть это инцестом, и даже, когда мать вплоть до совершеннолетнего возраста ребенка продолжает с ним спать в одной кровати, она считает, это вполне нормальным и не отклоняющим от нормы поведение. Д. Э. Шарфф считает, что символический инцест обнаруживается при невротических и других расстройствах умеренной тяжести. На наш взгляд, символический инцест не менее травмоопасен для ребенка, чем инцест фактический. Такое поведение матери сильно повышает вероятность развития дефектной структуры Эго, размытие границ между Я и Другими, между своим телом и телом Другого, что приводит не только к пограничному функционированию личности, как считает Д.Э. Шарфф, но и к психопатическому. Сам по себе инцест наносит тяжелый удар по стремлению ребенка сохранять свои личные границы и целостность [\[8\]](#).

Фактический инцест есть фундаментальное нарушение безопасности ребенка как в телесном, так и в психологическом плане, ведущее к примитивной психической организации. Примитивное расщепление Эго и диссоциация необходимы для того, чтобы разделить либидинальный и антилибидинальный объекты, если действительный опыт включал сексуальное использование ребенка сильно заряженным объектом (матерью), сочетающим в себе возбуждающие и преследующие аспекты. Инцест представляет собой одно из наиболее тяжелых нарушений психосоматического партнерства, и последствия его всегда очень серьезны. В ситуации, когда инцест становится возможным, ребенок становится беззащитным. В таких ситуациях мать становится не состоятельна в своей родительской роли, она не только не обеспечивает безопасность, но и нападает на своего ребенка, нарушает телесную неприкосновенность ребенка под предлогом заботы.

Д. Э. Шарфф считает, что нанесенный вред ребенку является слишком значительным, чтобы быть просто вытесненным в бессознательное. Вместо этого угрожающий объект (который воспринимается ребенком одновременно как проявление внешней агрессивной атаки и как возвращение собственной агрессивной проекции) должен быть отделен от образа хорошего объекта. Агрессия плохого объекта и вместе с тем возбуждающего объекта, усиливает спутанность в представлениях о своей самости. В попытке разделить либидинальный и антилибидинальный объекты Эго также расщепляется на либидинальное Эго и антилибидинальное Эго, и психическая целостность становится невозможной. Расщепление Эго является наивысшей точкой травматических нарушений телесной целостности и целостности Эго. Так Д.Э. Шарфф показал механизм формирования пограничной структуры в результате инцеста [8].

Не менее важным последствием является также спутанность фантазий и реальности, которая возникает у детей, подвергшихся инцесту. В процессе нормального развития после эдипального периода инцестуозные фантазии оказываются вытесненными в бессознательное. У жертв инцеста спутанность фантазий и реальности препятствует развитию психических функций, и степень нарушения соответствует тяжести инцеста, в котором фантазии становятся частью реальности. Д. Э. Шарфф считает, что инцест приводит к формированию пограничных структур личности с сексуальными расстройствами.

Э. Уэллдон, рассуждая об инцесте матери и ее сына, также подчеркивает, что инцест и первертное поведение приводят к остановке в эмоциональном и сексуальном развитии. Первертные пациенты, как правило, используют такие защитные механизмы, как расщепление, проективная идентификация и сексуализация. Дети инцеста могут вырабатывать маниакальные защиты, чтобы справиться со своей глубокой, хронической и скрытой депрессией, для того чтобы справиться с той ситуацией, когда ребенка вынуждают быть частью или продолжением материнского тела, существующим только для того, чтобы доставлять матери нарциссическое или сексуальное удовлетворение. Э.Уэллдон, ссылаясь на С. Крамер отмечает, что материнский инцест - это осознанные действия матери в виде стимуляции ребенка для получения собственного удовольствия. Пол не имеет значения.

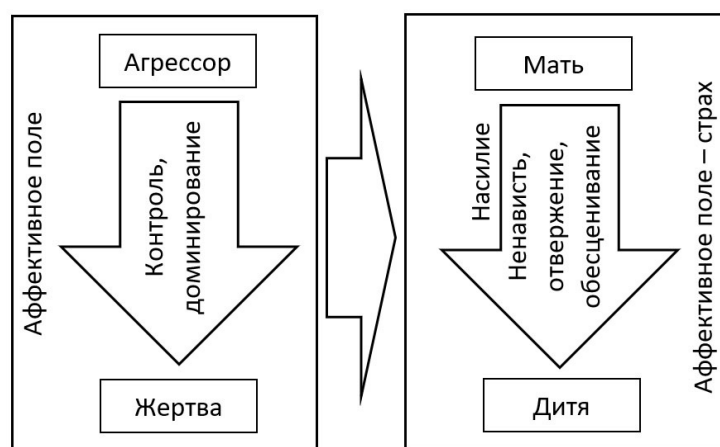
С. Коэн, рассматривая генетические истоки эротизированного садомазохизма, считает, что общей генетической предпосылкой такого поведения является отношения ребенка с недоступной, депрессивной матерью, которая может быть чересчур соблазнительной. Такие матери, по его мнению, не выносят тягот заботы о ребенке, они хотят, чтобы заботились о них самих. Как правило, она завидует ребенку, его автономности, его возможностям, молодости и т.д. Из зависти и ненависти мать бессознательно желает разрушить эти отличительные качества ребенка, она его уродует, привязывает его к себе и меняется с ним ролями. Ребенок идентифицируется с защитной доминирующей позицией матери и взаимодействует с ней комплиментарным образом. Это поощряет сексуализацию и садомазохизм в качестве защитных и адаптивных феноменов, призванных контейнировать и смягчать непереносимые аффекты. *Садомазохистское поведение* матери по отношению к ребенку может привести к тому, что ребенок станет переполнен аффектами возбуждения, ярости, обиды и унижения. В случае, когда ребенок становится объектом соблазнения или использования в садомазохистских отношениях со стороны матери, он чувствует свою исключительность, или испытывает чувство собственной необыкновенности. Эти чувства сменяются ощущением заброшенности и одиночества, вины за свои грехи, ярости, беспомощности. Защитная идентификация и эротическое или садомазохистское повторение имеют целью

совладание с переполняющими негативными аффектами, а также повторение идеализированного удовольствия. Ребенок идеализирует сильные чувства и переживания и защитным образом фокусируется на них. Чувство собственной исключительности, дозволенности, способность соблазнять и возбуждать других используется для защиты от критики в отношении собственной деструктивности. Ребенок не получал от родителя обоснованной оценки реальности и разъяснений по поводу того, что есть реальность. Реальность была такой, какой этот нуждающийся родитель ее видел. Такие дети будут постоянно пытаться вовлечь мать в эмоциональный контакт, они будут стараться подстраиваться под мать, разделяя с ней нарциссическую необыкновенность [9].

К сожалению, не реже мы сталкиваемся с такими же губительными последствиями вмешательства отцов в эмоциональное и сексуальное развитие дочерей. Э. Уэллдон, анализируя, отцовский инцест приходит к выводу, что он может стать последствием проституции или отказа от сексуальных отношений. Жертвы инцеста обоих полов при том как они строят отношения, сталкиваются с огромными трудностями. С одной стороны, они чувствуют себя использованными, совращенными и воспринимаемыми как сексуализированные частичные объекты, а с другой стороны, они кажутся себе исключительными, всемогущими и опережающими других в развитии, ведь их бессознательные эдипальные фантазии осуществились. Отцовский инцест по отношению к дочери является также формой первертного материнства, так девочка реагирует на неспособность матери справляться со своими физическими, материнские, опекунические, супружеские или партнерские обязанности, и становится заместителем матери в отношениях с отцом. Дж. Л. Херман дала очень точную формулировку: «Отец фактически заставляет дочь расплачиваться собственным телом за близость и заботу, которая должна доставаться безвозмездно. Тем самым он разрушает защитную связь, существующую между родителями и ребенком, и приобщает свою дочь к занятию проституцией», как отмечено в работе Э. Уэллдон [с. 165]. Ситуация инцеста может развиваться довольно медленно. Очень часто этот процесс начинается с отказа жены от сексуальной близости с мужем. Когда его отвергает жена, он идет к своей дочери или сыну не просто за удовлетворением сексуального желания, а за теплом и обретением уверенности в себе. Подобная сильная реакция, по мнению, Э. Уэллдон, возникает у мужчин из-за того, что такая ситуация часто напоминает о кошмаре из их собственного детства, в котором происходили схожие кумулятивные травмы. Такие мужчины обычно жалуются на холодность и отдаление жены, ее фригидность. В таких случаях совращение ребенка становится «решением», в особенности для пар, в которых партнеры мало разговаривают друг с другом и испытывают определенную эмоциональную депривацию. Так, дочь становится матерью своей матери и женой своего отца. Поэтому ее идентичность спутывается и страдает от нехватки какой-либо внешней и внутренней системы координат. Еще не достигнув половой зрелости, им пришлось выполнять вместо матери функции любовниц и взрослых. Крайне важно, что это происходит в семейных рамках, в которых нарушаются фундаментальные границы, отвечающие за распределение обязанностей между поколениями. Исчезают нормальные отношения между детьми и родителями, которые перестают заботиться о дочери и лишают ее возможности развиваться в своем собственном темпе. Исходя из своих многочисленных клинических наблюдений за женщинами, пережившими инцест, Э. Уэллдон, отмечает, что эти женщины страдают от депрессии, которая завуалирована навязчивой, искаженной, генитальной сексуальной активностью, в основе которой лежит глубокая потребность в мести. При этом в основе реальных встреч лежит ненависть, а не любовь, а встречающиеся объекты – представленные в виде собственных тел –

представляют собой лишь символическую замену настоящих объектов, на которых направлена месть. Поведение этих женщин мотивируется сильнейшим отвращением к собственному телу, с которым они справляются разными способами.

Насилие при материнской перверсии представим в виде схемы.

Заключение

Развитие человека начинается в семье. Семья является первой социальной группой. Родители создают пространство для развития; это пространство наполняется любовью и/или ненавистью, различными чувствами, фантазиями и мечтаниями родителей. Опыт отношений, приобретенный в семье реализуется в социальной жизни взрослого человека.

Насилие над слабыми – один из видов насилия и опыт травмы. В основе акта насилия согласно Р. Коллинзу лежит ситуация: определенные условия, способствующие разворачиванию акта насилия и переживания человека в данной ситуации. Семья – пространство (мало изученное, трудно наблюдаемое), где есть возможность развития ситуации насилия.

Мать – фигура, обладающая властью над ребенком, в отношении которой ребенок испытывает первичную абсолютную зависимость. Развитие предполагает выход из абсолютной зависимости к относительной неависимости и независимости. Аффективный опыт с матерью и качество привязанности (ранних объектных отношений) формирует личность ребенка.

Насилие возможно в ситуации межличностной зависимости (патологической зависимости) между нуждающимся субъектом и доминирующим субъектом – это те виды насилия, которые Р.Коллинз обозначает как насилие слабых и беспомощных.

В основе насилия лежит материнская перверсия (=ненависть). Первертная мать не позволяет ребенку отделиться от нее; способствует созданию садомазохистских паттернов отношений и разворачиванию деструкций развития. Это те дети, которые пережили раннюю потерю значимого объекта (даже при физическом ее присутствии) и опыт ненависти вместо любви со стороны значимого Другого. Дети с таким опытом зачастую просто не способны любить в будущем. Как результат будущего – отыгрывание и воспроизведение данного опыта травмы в будущей жизни (согласно Р. Коллинзу в ситуации насилия). Такая история жизни человека может быть похожа на опыт отношений, когда насилие перепутано с любовью, ведущим аффектом выступает страх.

Сформулируем модель насилия при материнской перверсии. Следуем от общей идеи о насилии к частной: 1. Ситуация насилия подразумевает агрессора и жертву, и тот и другой эмоционально заряжены и находятся в одном аффективном поле. Задача агрессора - доминировать, управлять и подчинить жертву. Задача жертвы - быть управляемой, подчиненной и пассивной. 2. В ситуации насилия при материнской перверсии - агрессором оказывается мать, жертвой - ребенок. Аффекты, переживаемые в общем аффективном поле данной диады - ненависть, отвержение, обесценивание и страх. - Это травмирующий жизненный опыт для ребенка, формируется его внутренняя реальность и отыгрывание во внешней реальности. Так мы связываем внутреннюю и внешнюю реальность человека в области травмы, связанной с опытом материнской перверсии, что может послужить основанием для дальнейших исследований.

Библиография

1. Моц А. Психология женского насилия. Преступление против тела. М.: Когито-Центр, 2021. 590 с.
2. Collins, R. *Violence : a micro-sociological theory*. Princeton University Press. 2008. 580 с.
3. Хирш М. Самоповреждение, суицидальные тенденции и агрессия, направленная вовне – общность и различия. // Журнал практической психологии и психоанализа. 2022. № 2. – Режим доступа: <https://psyjournal.ru/articles/samopovrezhdenie-suicidalnye-tendencii-i-agressiya-napravlenная-vovne-obshchnost-i> – (Дата обращения: 02.12.2023)
4. Уэллдон Э.В. Мать. Мадонна. Блудница. Идеализация и обесценивание материнства. М.: «Перо», 2016. 204 с.
5. Бержере Ж. Психоаналитическая патопсихология: теория и клиника. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001. 400 с.
6. Masterson, J.F., Rinsley, D.B. The borderline syndrome. The role of the mother in the genesis and psychic structure of the borderline personality // Int. J. Psycho-Anal. 1975. Vol. 56. P. 163-167.
7. Столлер Р. Дж. Перверсия: эротическая форма ненависти. Ижевск: ERGO, 2016. 220 с.
8. Шарфф Э. Дэвид. Сексуальные отношения. М.: «Когнито-Центр», 2013. 304 с.
9. Коэн С. Садомазохистское возбуждение: расстройство характера и перверсия. // Журнал практической психологии и психоанализа. 2004. № 4. – Режим доступа <https://psyjournal.ru/articles/sadomazohistskoe-vozbuzhdenie-rasstroystvo-haraktera-i-perversiya?ysclid=lp085fc8sq412474165> – (Дата обращения: 02.12.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются насилие в семье и материнская перверсия.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы теоретические методы, прежде всего, дескриптивный метод, метод категориализации, метод анализа.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, так как в научной среде есть различное понимание природы насилия, насильственного поведения человека. Интересным является то, что опыт (практика) насилия имеет место быть на протяжении всей истории развития человечества в целом – от древних времен по настоящее время мы можем наблюдать этот деструктивный опыт и переживания в мире людей. Семья и близкие люди – первая социальная система, куда попадает ребенок после рождения. Ранний опыт

отношении со значимым Другим зачастую воспроизводится во взрослой жизни: формируется идентичность, определенные паттерны взаимодействия с другим, аффекты, встречаются партнеры, созвучные друг другу, отыгрывают внутренние конфликты. Для некоторых насилие – обычный способ взаимодействия с другим или даже единственный. Форм насилия множество: от реального (атака, жестокое обращение, полное уничтожение и пр.) до символического (игнорирование, отвержение, обесценивание и пр.).

Научная новизна исследования заключается в проведении глубокого теоретического научно-обоснованного анализа природы насилия в семье и материнской перверсии.

Статья изложена языком научного стиля с очень грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, в структуре данного исследования можно определить такие элементы как преамбула, основная часть с анализом научной литературы, обобщающие выводы и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. Особенно ценным в содержании исследования следует отметить описание психологической природы материнского насилия (перверсии). Согласно психоаналитическому подходу в исследовании затронут аспект материнского первертного материнства (инфантицид и влечение к смерти, патологический нарциссизм). Первертное материнство рассматривается как феномен ранних нарушенных объектных отношений в диаде «мать-дитя» на ранней фазе развития, характеризующиеся использованием ребенка матерью (разрушение его автономности или обесцениванием) с целью разрешения бессознательных конфликтов с собственной матерью, который может не включать элементы прямой девиантной сексуальности по отношению к ребенку и основанный на женских сексуальных перверсиях.

Библиография содержит 9 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения известных ученых, характеризующих различные аспекты насилия в семье и материнской перверсии, а также содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся краткие выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что насилие над слабыми – один из видов насилия и опыт травмы. В основе акта насилия согласно лежит ситуация: определенные условия, способствующие разворачиванию акта насилия и переживания человека в данной ситуации. Мать – фигура, обладающая властью над ребенком, в отношении которой ребенок испытывает первичную абсолютную зависимость. Развитие предполагает выход из абсолютной зависимости к относительной неависимости и независимости. Аффективный опыт с матерью и качество привязанности (ранних объектных отношений) формирует личность ребенка. В основе насилия лежит материнская перверсия (=ненависть). Первертная мать не позволяет ребенку отделиться от нее; способствует созданию садомазохистских паттернов отношений и разворачиванию деструкций развития.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, социальными работниками, медицинскими работниками, психотерапевтами, психиатрами, психологами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в статье не были четко определены и выделены ее структурные элементы, которые, конечно, прослеживаются и присутствуют в ее содержании, однако, отдельно они не отмечены соответствующими заголовками. Особенно хотелось бы обратить внимание на написание введения, конкретизации целей, задач, научной новизны исследования и методологии, а также на формулирование основного вывода по статье. Кроме того, текст статьи завершается рисунком, демонстрирующим модель насилия при материнской перверсии. Во-первых, уместнее было бы встроить эту модель в текст статьи, а не завершать исследование рисунком без каких-либо комментариев. Во-вторых, рисунок необходимо оформить в соответствии с требованиями действующего ГОСТа. Необходимость соблюдения требований действующего ГОСТа относится и к библиографическому списку, в частности, источники, представляющие собой электронные ресурсы необходимо оформить правильно и указать дату обращения. Указанные недостатки не снижают высокую научную значимость самого исследования, однако, эти недостатки рекомендуется оперативно устранить, а статью направить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Насилие в семье и материнская перверсия». Предмет исследования. Работа направлена на проведение исследования интеграции социологического и психоаналитического подходов для понимания природы и проявления насилия в семье как формы насилия слабых и беспомощных. Особое внимание было уделено: рассмотрению идей Р. Коллинза, которые касаются проблематики домашнего насилия (механизмы развития насилия в паре, родителей и детей, в отношении пожилых и больных людей); исследования природы материнской перверсии (= насилие и ненависть в психоаналитическом подходе); разработке положений модели феномена материнской перверсии в ситуации домашнего насилия. В целом, автором поставленные цель и задачи были достигнуты.

Методология исследования опирается на работы отечественных и зарубежных ученых, которые рассматривают поставленные проблемы. Автор провел теоретический анализ, опираясь в своем исследовании на подход Р.Коллинза, который рассматривал ситуации насилия в семье. Значительное внимание уделено изучению подходов Р.Столлера, Э.Уэллдона, Д.Шарффа и др. Проведенная работа позволила сделать обобщающие и подробные выводы и представить насилие при материнской перверсии в виде обобщенной схемы. Автор в работе опирается на социологический и психоаналитический подходы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что важно понимание природы насилия и насильственного поведения, в том числе, в семье. Однако незначительное количество работ посвящено выделению механизмов, которые помогают понять природу и проявления насилия в семье как формы насилия слабых и беспомощных.

Научная новизна исследования. Автор в процессе исследования рассмотрел проблему материнской агрессии в отношении собственного ребенка. В работе было выделено, что в ее основе лежит материнская перверсия (ненависть). Проведенное исследование позволило сформулировать модель насилия при материнской перверсии, в которой представлено основное содержание данных ситуаций, задачи агрессора и жертвы. Особое внимание уделено описанию последствий.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого

уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается четко, автором выделены основные смысловые части.

Во введении определена проблема исследования и выделена ее актуальность. Особое внимание уделено анализу природы насилия и насильственного поведения; значению семьи, в том числе конфликтной, в психическом и психологическом здоровье ребенка. Автор опирается на социологический и психоаналитический подход к проблематике насилия. Во введении выделены цель и основные задачи.

Следующий этап посвящен описанию взгляда Р.Коллинза на ситуацию насилия в семье. Автором в статье описываются особенности домашнего насилия, его причины, возникновение ситуационного процесса в процессе развития насильственного поведения. Причем, объектами агрессии в семье чаще всего становятся такие объекты как: больные люди и инвалиды, женщины как жертвы насилия со стороны мужей, а также дети. Причем, в последнем случае в качестве агрессора чаще всего выступают матери. Автор отмечает следующие особенности:

- женщины чаще, чем мужчины прибегают к насилию над маленькими детьми;
- девочки меньше подвергаются телесным суровым наказаниям, чем мальчики;
- мужчины не применяют телесные наказания (жестокое обращение) к девочкам в отличие от того, как относятся к мальчикам;
- мужчины используют насилие для контроля над женщинами;
- на уровне более серьезного насилия, как правило, мужчины физически злоупотребляют подростками, в то время как женщины чаще всего злоупотребляют маленькими детьми.

Следовательно, достаточно часто более сильный нападает на более слабого.

Следующий раздел посвящен описанию психологической природы материнского насилия (перверсии). Автор продолжает традиции психоаналитического направления и рассматривает первертное материнство как феномен ранних нарушенных объектных отношений в диаде «мать-дитя» на ранней фазе развития, характеризующиеся использованием ребенка матерью (разрушение его автономности или обесцениванием) с целью разрешения бессознательных конфликтов с собственной матерью, который может не включать элементы прямой девиантной сексуальности по отношению к ребенку и основанный на женских сексуальных перверсиях.

Проведенный анализ позволил автору представить насилие при материнской перверсии в виде схемы, в рамках которой рассматривается аффективное поле, целенаправленные действия жертвы и агрессора, эмоциональное содержание действий матери и пр.

В статье представлено подробное заключение с выделением основных и обоснованных выводов.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 9 отечественных и зарубежных источников, незначительная часть которых издана за последние три года. В списке представлены, в основном, статьи и тезисы. Помимо этого, в библиографии есть монографии, учебные пособия и интернет-издания. Источники оформлены, в основном, корректно и однородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- представить более подробно результаты проведенного теоретического анализа научных работ;
- более четко представить актуальность выделенной проблемы; выделить научную новизну, авторский вклад в решение поставленной проблемы и перспективы дальнейшего исследования;
- важно представить конкретные примеры из анализа психотерапевтической практики.

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и

практической ценностью; будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами насилия, насильственного поведения человека, в том числе, в семье. Статья может быть рекомендована к опубликованию с учетом выделенных рекомендаций. Это позволит представить в редакцию полноценную научно-исследовательскую статью.